

Содержание

Часть 1	9
---------	---

Часть 2	47
---------	----

Часть 3	91
---------	----

Часть 4	129
---------	-----

*Моей бабуле, которая не успела прочитать
эту книгу, но была бы очень ей рада*

Часть 1

Лето на даче всегда идет своим чередом. Кто-то ловит бабочек, кто-то сажает огурцы, а кто-то влюбляется. В подмосковном садовом товариществе «Морской бриз» лето начинается в апреле, когда первые дачники приезжают на машинах или выгружаются из электричек и пересаживаются на автобус, шебуршат ключами в заржавевших замках, протирают полки от осевших клубов пыли, а по вечерам, устав от уборки участков, тихонько пьют чай. В конце мая людей становится больше. Бабушек, дедушек и школьников привозят сюда на все лето — с огромными сумками, набитыми одеждой, книгами и запасами еды. Те, кому нужно работать, вырываются из Москвы по пятницам и с грустью возвращаются в город по воскресеньям.

Начиная с июня любые дела на даче сопровождаются шумом газонокосилок — только успокоится справа, как сразу же зарычит слева. Вечерами пахнет шашлыком, и никто уже не сидит в тишине на кухне — люди смеются, произносят тосты, спорят за столом, носят туда-сюда посуду и ходят

в гости. Летом здесь кипит жизнь, а зимой свет горит всего в паре окон, да и то лишь по выходным — дорогу обычно заметает снегом высотой чуть ли не с человека, и пробираться по ней никому не хочется.

Моря в ста с небольшим километрах от Москвы, конечно же, нет, и откуда взялась идея с бризом — неизвестно. Зато есть водохранилище, и все дачники — кто с гордостью, а кто шутя — называют его морем.

Прадедушка Вари построил дом, когда еще никакого садового товарищества не существовало, а был обычный дачный поселок на тридцать участков. Дом этот был одноэтажный, с просторной верандой, на которой всегда играл патефон. Со временем появился второй этаж, а рядом — баня, гараж и сарай, и только веранда остается нетронутой. Прадедушку очень любили, и в память о нем патефон каждый год отвозят в ремонтный центр на проверку — чтобы тот не остановился.

Родители Левы купили участок в «Морском бризе» два года назад, когда мама устала скитаться по дачам друзей и они наконец-то решились на свой дом. Сомнения возникали не столько из-за денег, сколько из опасений, что постоянно нужно будет решать какие-то проблемы — потечет крыша, сгниет пол или вырубят электричество. И все же им надоело ездить к друзьям, стелить там привезенное из дома белье и ходить в это время на цыпочках, чтобы не помешать хозяевам. Желание почувствовать себя этими самыми хозяевами перевесило сомнения.

Варя и Лева встретились, когда им только-только исполнилось пятнадцать. Начались каникулы, стояло теплое лето, и впереди было три бесконечных месяца.

* * *

Еще как будто никто не придумал слово, а я уже знал, что оно про тебя. И ничего не нужно было ждать — я просто увидел, как ты ехала с моря на велосипеде, и все понял.

На голове у тебя была большая соломенная шляпа с ярко-оранжевой лентой — я из-за нее тебя и заметил. Сначала ты была точкой вдалеке, а через две минуты никого ближе тебя уже не было. Я представил в голове твой строгий голос, и он оказался правдой.

*Ты знала, что мы встретимся, иначе зачем бы еще наде-
ла на мокрый купальник платье, не дождавшись, пока солнце
хоть немного его просушит, села и поехала мне навстречу.
Даже волосы не стала выжимать, и с них всю дорогу сте-
кала вода. Ты прокатилась мимо, и рядом со мной осталось
три капли. Я присел на корточки, дотронулся до них руками
и посмотрел тебе вслед, а ты остановилась в паре метров
от меня, поставила ноги на землю и обернулась, уткнувшись
носом в левое плечо и спрятав губы. Но я видел: ты улыбалась.*

*«Приходи сюда в восемь!» — прокричал я и сам не поверил,
что сделал это.*

*Ты ничего не ответила, вернула ноги на педали и уехала.
Но я не сомневался: ты придешь.*

Лева стоял на месте, провожая Варю взглядом. Как только она исчезла за калиткой, он понесся к себе, вбежал на участок, скинул шлепки и начал носиться по траве, подпрыгивая и кружась. В нем было столько энергии, что, если бы пошел дождь и, как это обычно бывает, вырубило свет во всех домах, он смог бы заменить собой генератор в каждом из них. Но никакого дождя в тот день быть не могло.

На крыльце сидела Левина тетя, приехавшая в отпуск на две недели. В одной руке она держала книгу, в другой — сигарету. Лицо ее застилал дым, но Лева видел, что она улыбалась.

Ему показалось, что она все про него поняла, что с ней это тоже было. Сияя, он подбежал к ней, сел рядом, взял за плечи и, шутливо их потряхивая, поцеловал в щеку.

— Манечка, у меня такой хороший день!

Она поправила его задрвшуюся футболку и, все еще улыбаясь, цыкнула — не с осуждением, а, наоборот, любуясь его юностью:

— Только поешь перед тем, как убежишь. Там суп на плите.

Мне не хотелось ничего выдумывать. Никаких красивых рубашек или брюк (да и откуда они на даче?) — как был в шортах и футболке, так и пришел. Лето в этом году теплое: можно ходить в одном и том же утром и вечером и не замерзнуть. Я даже не причесался — мне казалось, будет правильным, если все останется как было, когда я тебя впервые увидел.

Ты тоже пришла в утреннем платье. Только сняла с головы шляпу — теперь она висела на шее, закрывая лопатки. И купальник высох.

Мы добрались до нашей точки одновременно, и никому не пришлось ждать. Я вынул руку из кармана и протянул ее тебе. Ты усмехнулась и вытащила из моих волос травинки. «Это я так радовался». Я почувствовал твою мягкую ладонь, и со мной что-то случилось — не могу пока описать.

** * **

Конечно же, я за тобой следила. А ты, наверное, думаешь, что это все совпадение и так должно было случиться, — вот смешной. Я тебя увидела на прошлой неделе, когда ты с криком плюхнулся в воду, а потом встал на руки и начал дрыгать ногами. Пока я, подставив ладонь козырьком ко лбу, пыталась тебя разглядеть, слепень укусил меня в спину, а я даже не заметила, как он прилетел.

Все оказалось так просто. Я вышла после обеда из дома и увидела, как ты направляешься к полю, раскинув руки. Футболка у тебя надулась от ветра и волосы развевались в стороны. Я спряталась за деревом и стояла там, пока ты не повернул обратно домой. На следующий день в это же время ты снова гулял по полю, только вместо ветра была такая тишина, что можно было услышать, как ты задеваешь ногами мелкие камни. Тусклая дымка поднималась от земли, и во рту был вкус песка.

Значит, у тебя есть свое расписание. Нужно было подъехать к тебе на велосипеде и поздороваться. И обязательно в среду — по средам у меня хорошее настроение. Во вторник я долго лежала на веранде и слушала музыку, а перед сном немного поплакала — не знаю, больше от радости или от страха. Утром я помогала бабушке выдергивать сорняки из клубники, но грядка закончилась слишком быстро, а ждать было невыносимо. Я поехала купаться, чтобы успокоиться. Вода сначала была колючей, но постепенно сделалась ласковой. Я легла звездочкой, и солнце село мне на нос. У меня были закрыты глаза, и течение отнесло меня далеко в сторону. Было так хорошо, что я забыла, где нахожусь. А потом солнце пересело с носа на левое запястье, и я все вспомнила.

Времени осталось совсем мало, через десять минут ты уже должен был возвращаться домой. Пришлось накинуть платье даже не вытираясь. Шлепки были ужасно мокрыми и соскальзывали, но мне это не мешало — я только слышала, как они смешно хлюпают, а сама крутила педали быстрее. Ты уже шел в сторону своего участка, и я вдруг поняла, что нужно проехать мимо и остановиться не сразу, а через пять секунд. Мне вдруг стало так спокойно. Я начала улыбаться, а ты закричал: «Приходи сюда в восемь!» Все получилось!

* * *

Оказалось, с твоей бабушкой я уже был знаком. Мы с ней виделись в магазине за пару недель до нашей встре-

чи, и я помог ей нести сумки до участка, но ты тогда еще была в городе.

С родителями было ужасно страшно знакомиться, особенно с папой. Всю ночь перед встречей снился полный бред. Например, как я захожу к вам в дом, в первую же секунду задеваю локтем дорогуший телевизор и твой папа вышвыривает меня на улицу, как собаку из какого-то мультика. Переживал я зря — они меня сразу приняли, и я выдохнул.

Дедушку пока не видел — он сюда почти не приезжает.

Все происходило легко и интуитивно — и Лева и Варя без стеснения могли прийти друг к другу домой и провести там целый день. Больше всего они любили будни, когда родители были на работе. На неделе Варя жила с бабушкой, Лева — с бабушкой и дедушкой.

По утрам Варя любила купаться одна. Лева со всей серьезностью относился к этой привычке и ждал Варю после моря на месте их первой встречи. Они вместе ехали к ней домой, бросали велосипеды где попало и плюхались в кресла, стоявшие на веранде друг напротив друга. До обеда они обычно валялись с книгой в руках, но больше отвлекались и болтали, чем читали.

Когда Вале было шесть, бабушка отвела ее в музыкальную школу. До того дня она представляла, что, как только сядет за пианино, музыка польется сама. Ей казалось, со всеми

великими музыкантами это так и происходит, а себя она заранее решила относить именно к великим.

Приготовившись слушать восторженные отзывы преподавателя, она принялась стучать детской рукой по клавишам, но в ответ они издали сперва злое рычание, а потом жалобный писк. Варя в слезах убежала из кабинета и больше за пианино никогда не садилась. Лет в двенадцать она начала читать биографии пианистов и в глубине души надеялась когда-нибудь все-таки научиться играть.

— Ты знаешь, что Гленн Гульд дал свой последний концерт в тридцать два года?

— Да ладно? Он так рано умер? — Леву больше интересовали литература и история.

— Сам ты умер! Умер он в пятьдесят.

— А почему тогда?

— Потому что ему было тяжело, когда вокруг было столько людей. Он больше хотел работать в одиночестве, без публики. — Варя ужасно нравилось рассказывать Леве то, чего он не знал. Лицо у нее сразу становилось серьезным, и говорила она медленно, растягивая удовольствие.

— Мне кажется, это как-то грустно. Если подумать, я бы, наоборот, очень хотел быть с людьми, которым нравлюсь. Понятное дело, что чувства, которые проживаешь наедине с собой, очень важны, но без выступлений история как будто неполноценная. Ради чего все это тогда?

— Ну как — ради процесса и себя, наверное. Он вообще говорил, что в будущем концертов не будет, а будут только записи.

— В смысле?

— Потому что, слушая запись, можно по-настоящему прочувствовать музыку и не отвлекаться. Ему даже казалось, что на концертах люди вслушиваются, не сфальшивил ли он.

— Подожди! — Лева, лежавший с закинутыми на подлокотник кресла ногами, приподнялся. — Во-первых, будущее уже наступило, и концерты никуда не исчезли. А во-вторых, люди ходят на них совсем для другого. Вот представь: ты приезжаешь за час, если не за два, протискиваешься к сцене через толпу людей, а потом стоишь там и умираешь от счастья, что перед тобой артист, которого ты очень сильно любишь. Какое тебе вообще дело, фальшивит человек или нет, если ты этого концерта ждал всю свою жизнь?

— Но классическая музыка — это же тебе не на кого-то популярного и современного сходить. Все-таки это очень интимная вещь. — Варя не была готова сдаваться.

— Да, конечно. Но, думаю, Гульд твой юлил. Ему точно нужен был кто-то, кто бы им восхищался.

— А может, и не нужен.

Варя знала, что нужен, но все равно была на стороне Гульда. Не могло настоящее искусство желать толпы. Она перебиравла кистью правой руки в воздухе, словно нажимая на клавиши, и думала — сказать или нет.

— Не хотела тебе говорить, потому что ты сразу начнешь умничать, но ладно. Он звонил своим друзьям и играл им фрагменты. И мог позвонить даже ночью.

Лева просиял.

— Я так и знал!

Варя шутя бросила в него абрикос.

— В жизни не видела большего зануды, чем ты!

Дни состояли из бесконечного валяния на веранде, фруктов из вазы и разговоров. Казалось, так будет всегда, но как-то позвонила Левина мама и сказала, что они с папой собираются делать ремонт в гостиной и не хотят оставлять рабочих в квартире одних. Лева сидел на полу, закрыв глаза ладонями.

Он прокручивал в голове только одну мысль: еще минуту назад все было хорошо. Ему хотелось вернуться в эту минуту, не брать трубку и не знать ни о каком ремонте.

— Мам, мне стоять в углу и следить, чтобы они ничего не тронули?

— Ну зачем ты ерничаешь?

— Потому что это бред. Вы бандитов что ли каких-то нашли? И что они у нас там брать будут?

— Ты в этой квартире не живешь? А если компьютер твой возьмут?

Лева был готов отдать рабочим и компьютер, и всю квартиру, лишь бы ему не нужно было уезжать. Но он знал — так, как хочется ему, не будет.

— А почему нельзя сделать это в сентябре, когда закончатся каникулы?

— Потому что в сентябре они уже заняты. Эти люди делали ремонт Тане с работы, и если мы сейчас не успеем, то потом придется заново кого-то искать.

— А у Тани что-нибудь украли? Ты ей скажи, пусть она проверит.

— Все, Лев, шутки будешь потом шутить. Это всего две недели — ничего страшного. Я тебе позвоню, как приду с работы. Попроси пока, пожалуйста, бабушку написать список, что вам купить.

— Пока.

В мир, где Лева с Варей жили будто вдвоем, вдруг открыли дверь.

* * *

«Всего две недели»... Но это мои две недели, и я не хочу никому их отдавать.

Ты меня убьешь! Как вообще про такое сказать? Ну почему они не могут красить свои стены зимой?

* * *

Сегодня было хорошее утро. Мы лежали у нас во дворе на пледе и играли в слова. Дни настолько длинные, что кажется, можно занимать их такими глупостями. На «А»

*всегда сложнее всего — начинаешь с апельсинов и арбузов, а заканчиваешь аллегориями и апострофами. Во рту пересохло, но не хотелось идти в дом за водой. Я встала и бо-
сиком дошла до куста смородины. Полезла рукой — грозди
мягкие, как капли грибного дождя. Собрала красные просве-
чивающие шарики в подол и вернулась.*

*Я зачем-то высыпала их все на плед, а надо было оста-
вить на юбке. Ты бы тогда тянулся за ними и каждый раз
касался моей коленки, а я бы делала вид, что ничего особен-
ного не происходит. Но оно происходило бы. До чего я мед-
ленно соображаю!*

*И все-таки эта косточка. Не могу перестать думать
о ней.*

Смородина, которую принесла Варя, оказалась кислой. Лева начал морщиться и строить смешные рожи. Они хо-
хотали вместе, и тут Варя заметила косточку, застрявшую
у него между передними зубами. Она хотела сказать об этом,
но вдруг застыла и не смогла. Такое уже случалось с ней
в школе.

С одноклассниками у нее не ладилось — она хотела дру-
жить с ними больше, чем они с ней. Но иногда, после ка-
кой-нибудь групповой лабораторной работы, они вместе хо-
дили в столовую. Если у девочек в зубах оказывалась зелень
или еще что, Варя в смятии отводила взгляд. Ей казалось,
сказать об этом — будто указать на несовершенство человека
и тем самым его задеть. С Левой ей очень не хотелось этой не-

ловкости. Она понимала: чем ближе тебе человек, тем меньше ты стесняешься. Но пока Варя пыталась пересилить себя, Лева сам нашел косточку языком и достал ее.

Варя ужасно злилась на себя — Лева точно знал, что она увидела косточку и промолчала. Они только закончили обедать, и бабушка заварила чай из яркой коробки, которую Варя с родителями привезли из Парижа.

— А вы знали, что люди, создавшие эту чайную компанию, родились в Питере, а не во Франции? — спросил Лева, разрезая лимон на дольки.

— Нет, не знала. А как же они потом там оказались? — спросила бабушка.

— Вообще, этот человек, который ее основал, Павел Кузьмичев, поставлял чай императору. Но получилось так, что в семнадцатом году они с семьей бежали в Париж из-за революции и в итоге там остались. И теперь русские привозят этот чай, когда ездят во Францию, хотя могло бы быть наоборот.

— Да, кто у нас только не бежал. Даже некоторые мои друзья уехали. Всем хочется жить, — бабушка вздохнула и сделала глоток. — Чай, кстати, вкусный. Варь, ты знала про этого Кузьмичева?

Варя сидела в своих мыслях и слышала только обрывки разговора.

— Про какого? Соседа нашего Виталика?

— Какого Виталика?

— Ну, который обещал папе мопед починить. Он вроде взял деньги на какую-то железку и пропал.

— Золото мое, ты где витаешь? Мы про чай, который вы привезли.

— Прости, я что-то задумалась, — Варя улыбнулась и протянула руку за своей кружкой.

Ночью она не могла уснуть. В комнате стояла духота, и надоедливая муха постоянно жужжала над ухом. Но дело было не в этом — Варя испытывала стыд перед Левой. Она мысленно подбирала слова для завтрашнего признания, а потом не выдержала и позвонила. Лева взял телефон после двух гудков и испуганно спросил:

— Что случилось?

— Ничего, все в порядке. Я просто не могу перестать думать об этой косточке. Прости, что не сказала сразу, я сильно растерялась.

— Какой косточке, тебе что-то приснилось?

— Да нет же. У тебя днем в зубах застряла косточка, а я промолчала. Прости, пожалуйста.

— Ты с ума сошла? Какая еще косточка?

— Блин. — Варя сделала паузу. На другом конце было слышно, как Лева шуршал одеялом. — Собственно, это и неважно — какая косточка. Давай будем говорить друг другу все сразу, хорошо?

— Давай, конечно. Ну ты и дуреха, три часа ночи. Иди спи!

